

НОЯБРЬ

[4-5 ноября 1900 г. Париж]

Письмо Н.К. Рерих к Шапошниковой Е.И.

Лада, моя хорошая.

Мне вспоминается, как какой-то Папа (не помню какой) заставил Императора Гонория (кажется) два дня босым и во вретнице стоять под воротами Альконы. Не Ты, но почта заставляет меня пребывать в таком же положении. И стою я и жду, когда же откроются ворота, опустится мост и гонец подаст мне резолюцию. Начинаю фантазировать (Ты это слово во мне ненавидишь, но в этом случае оно ведь допустимо), переминаясь с ноги на ногу, содержание постановления. То меня пугает решение немилостивое, то прочитываю я первую записку из Берлина, вспоминаю, как Ты меня отпускала и представляется мне следующий ответ: «нелепый Майчик, жалею, что ещё люблю тебя, но что же делать, если ещё не вконец разочаровалась в мечтаниях твоих и их исполнимости. Слушай, нехороший и тряпковидный Майчик, если твой бюджет вероятен и ты уже ознакомился с условиями Парижской жизни, то можешь приехать на Рождество и надеюсь, что после Нового Года, ибо в посту свадеб нет, проведем вместе наше 30 Декабря, мы уедем в Париж. Видно уже судьба моя – удивлять моих знакомых сякими неожиданностями и романтичностью. Твоя многомилостивая Лада».

Вот такая резолюция представляется мне на мои всеподданнейшие прошения. Если бы можно было внушить Тебе такое содержание письма. Попробую хоть духа вызвать; нельзя ли через него передать. Тогда сейчас же промеж неукоснительных утренних рисунков понёсся бы искать квартиру, подыскивать обстановку и собирать сведения о прислуге и всём прочем.

Жить так жить, Ладушка, - так проживём же так, чтобы не жалеть бездействия... Впрочем, чувствую, что опять приближаюсь к области мечтаний – к запретной дверце, которая нескоро ещё будет разрешена мне моею строгою Ладой. Поверь, милая, значит для чего-нибудь мы да встретились же, если не смотря ни на что, моё чувство к Тебе всё крепнет, а Твоё ко мне ведь не пропадает. Жду с великою душевною смутю письма Твоего. Смутное чувство ожидания (о котором я уже писал тебе) давит меня каждое утро. Сегодня я получил 3 письма: от Зарубина, Стороннего и Лосской. Но что же это? вот если бы чудом уже прилетел Твой ответ это было бы важно. Сейчас Воскресенье 10 ч. утра; быть может, Ты уже получила моё письмо и компануешь, что-либо ответное. Милая пожалей своего Майчика.

Нет, как это надо было понимать Твой вопрос о том, стоит ли посылать мне карточки? - это меня занимает.

Поцелуй Ек. Вас., всё-таки у неё очень хорошее сердце. Мысленно поцелуй меня и обними покрепче.

Твой Майчик-Изгой

Воскресенье. Утро.

Как я думал, так и вышло - только отослал Тебе, дорогая моя, письмо, как явилась консьержа и принесла Твоё. Сегодня в течение дня перечитал я его раз 5. Майчик милый, я тебя ещё очень люблю...», зачем это ещё, разве Ты допускаешь победу над собою? Не может этого быть, и предыдущая фраза, вырвавшаяся из сердца, говорит о противоположном. «Сколько дряни во мне накопилось», кричит Твоё сердце. Неужели правда хватило бы у Тебя силы потребовать свои письма обратно? Но после чего же? После того, как дала мне вместо образа на дорогу Берлинскую записку? Не верю, не верю, что моя Лада не могла бы это сделать. Неужели укусы пошлых людей так сильны для Тебя? Замечай теперь, кто и как ко мне относится, это очень поучительно. У меня последнее время вселяется какое-то зло и презрение к людям. И презираю я их, которые при малейшем несчастье, при малейшей потере власти начинают с наслаждением бешено плясать вокруг какой-то вакхический танец победы и стараются толкнуть и, если только рука достанет, то лишний раз повернуть воткнутой нож. А если, поваленный ими человек чудом встанет опять и улыбнётся ему успех, то они готовы опять ползти за ним, готовы перевозносить каждое его слово и кадить ему; и он может тогда плевать в их мерзкое лицо, а они только упираться будут – жалкие, безличные людишки! Именно безличные, ибо у них нет своей личности и стараются они стереть и чужую. Когда у меня даже голова закружилась от различных ударов, когда почувствовали силу надо мною, чего возликовали они? Чего обрадовались?

Удивляюсь, если Варв[ара] Влад[имировна] за меня. Ведь, кажется, и она была против и она как-то меня обзывала. И неужели более никто не задумался серьёзно, что со мною делается?

Ладушка милая, ведь, только представь себе, что я повис над пропастью – внизу темно и грозно – и держусь я за уступ одною рукою, а все мои присные расположились кругом меня в удобных позах и наслаждаются зрелищем: «удержится ли он?». Картина поучительная. Ты одна ещё поддерживаешь меня, но Тебя, весёлым хороводом, рвут в сторону... неужели бросишь? Ты пишешь про фразы, которые я легко приписывал в каждом письме. Но легко ли? Не кипело ли в то время во мне; вспомни, как кипит вода, - сперва большими пузырями, но чем сильнее, тем меньшими и незаметными, и никто не подумает, что в этом состоянии она взрывает котлы.

Я Тебе продиктую новый ответ мне. «Сбитый с толку Майчик! Без согласия твоей матери не смей со мною ни о чём и говорить – это во-первых. Во-вторых, зимний сезон я приношу в жертву своей маме. Но если удастся какими-либо способами добиться согласия матери и ты будешь в состоянии устроить жизнь в Париже, то в таком случае можешь приехать через 3 месяца и я буду твоею женой. Твоя не по заслугам добрая Лада».

Ладушка не откажи мне в таком ответе. Напиши мне его немедленно. Я им жить буду. У меня будет определённая цель.

Ты не думай, что с домашними я не поднимаю этого вопроса. На днях ещё послал я туда 2 письма очень внушительного содержания, да и Бруммеру написал на 8 страницах – там уже, вероятно, каша варится, а знаешь, иногда слово письменное солиднее устного. Дай мне этот ответ; за это время я ещё денег достану, квартиру хорошую отыщу, даже о музыкальных профессорах

справлюсь (хотя это дело Боровки Тебе указать их). Пришлѐшь мне этот ответ? Да?

Неужели Тебе никогда не представляется, как Твой Майчик сидит один со своими мыслями по вечерам в своей одинокой комнате? И ни на какую мысль не находит определённого ответа, и за туманом ничего не видно. И вдруг из этого тумана звучит знакомый голос: «на днях чуть было не отняли у тебя самого дорогого, да может быть ещё и отнимут – погоди, то ли ещё будет!» и от этого проклятого голоса невольно опускаешь голову на некрашенный стол и ещё сильнее дребезжат фургоны и фиакры на улице – точно и они раздавить не прочь.

Хоть бы карточки-то Твои были! Понимаешь, мне нужно Тебя! (Впрочем, тут уже могут начаться лёгкие фразы!) Я не знаю, к чему всему требуется поддавать лучшее в человеке? Ведь любовь к Тебе – это самое моё чистое.

Ладушка, поддержи Твоего Майчика... Разве могут Тебя трогать эти салонные разговоры? Когда Ты писала мне, что порою в Тебе среди бала подымается злобное чувство – я понял это и объяснил, но неужели, вопрос, «присылать ли фотографии» надо понять в скверную сторону!?

Я послал опять мою сказку в печать – не знаю, примут ли, но если примут, я снова запою мою песню о вере в себя.

Ой, как худо мне вдруг стало - прямо невыносимо тяжело - так и давит. Не с Тобой ли что-нибудь? Сейчас Понедельник 8 ½ вечера. Пойми – я один, один.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/202, 6 л.

**[10] / 22 Ноября н/с [1900 г. Париж]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.**

Ладушка, моя хорошая, верно письмо Твоё уже идёт где-нибудь и, может быть, уже недалеко от Парижа, а мне вот не дожидаться его особенно, когда некоторые вещи тревожат этот болезненный вопрос. 1) Сегодня были у меня Лосские начали расспрашивать о Екат. Вас. (Лосская посылает ей сердечный привет). 2) Вчера был я у некоего художника Кузнецова и пришёл в восхищение от жизни его. Живёт он с женою, оба молодые, оба учатся (он тоже рисует) – квартира такая славная (4 комнаты, кухня и мастерская), вся атмосфера уютная.

Поневоле начнёшь молиться: Господи, дай, чтобы Ладушка написала тот ответ, который я мысленно и письменно ей продиктовал. Я даже уже приглядывал мастерскую с квартирой - за 1900 фр. можно иметь славную и большую.

Случайно я оказываюсь в лучшем здешнем русском обществе: проф. Ковалевский, пр. Гамбаров, Валишевский, Самарины, Онегины, Череп-Спиридонович, Боткины, Щукин, Кузнецов, Гайдебуров и др. И можешь себе представить, за что мне оказывают особое внимание? – ни за что не угадаешь! За то, что Дягилев обругал меня. Здесь все до того презирают Дягилева, что как только узнают, что я не пошёл в эту компанию, то внимание сейчас же удваивается. Словом, я могу Тебе здесь уже предоставить очень хорошее общество, а Лосские – будут нам словно родные. С Люсей Лосской (т.е. со слонем,

ибо её рост и объём – чисто слоновые) Ты, наверно подружишься. Она натура недюжинная. В смысле музыкального образования итальянец Рива будет очень полезен (они его зовут Ривочка), ибо он знает всех и всё и имеет в музыкальном мире руку. (Он с великим восторгом говорит о княгине).

Итак, о том, чтобы мне приехать на Рождество: *c'est entendu!* [решено! (фр.) – ред.] не так ли? Да! да! и да! Наши мне написали, что мою комнату отдают брату, а комната брата идёт сестре – я этому радуюсь.

Сегодня 22-е Ноября н/с., т. е. Екатерина Васильевна по моему стилю завтра именинница. Боюсь, не совладаю со старым стилем, а потому поздравлю её теперь, поблагодарю её за хорошее, доброе отношение, которое имела она ко мне, надеюсь, небезосновательно, т. е. в нём, надеюсь, ей не придётся со временем раскаиваться. Искренно её целую.

А Тебя-то, мою миленькую, как целую я мысленно, и обнимаю, и кланяюсь земно, и прошу, а о чём, Ты догадаешься.

Уж очень мне скучно эти дни, уж очень я жду письма Твоего, утомляю себя работой, но даже 8-ми часовая работа, и та не усыпляет.

Майчик

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/175. 2 л.

[Ноябрь 1900 г. Париж].

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Вот, Ладушка, когда самое настоящее время потребовать свои письма обратно – по крайней мере, эффект будет полный. *Прочитай, какой приговор подписал мне последний № «Мира Искусства».* Все-то в простоте душевной предполагали, что историческая живопись - моя специальность, а вот г. Бенуа советует мне искать иную область!

Вчера был для меня редкий по удовольствию день: сперва получил вырезку из «Мира Искусства», а потом, вечером, телеграмму, что продажа картины, которая было уже совсем устроилась, не может состояться. Эти два известия до того меня порадовали, что я уже ждал третьего, от Тебя, с требованием писем или ещё с чем-либо скверным. «Пришла беда, растворяй ворота» – недаром говорится; уж коли пойдёт такая линия, то ничего радостного не выйдет, и какими редкими мелькают для меня радостные минуты. Несколько таких минут было для меня в воскресенье утром. Понёс я показать мои новые эскизы Кормону. Шёл со страхом великим, ибо мне говорили, что он человек прямой и ни перед каким резким суждением не останавливается. Можешь себе представить моё изумление, когда, вместо ругани, слышались его возгласы: «Оригинально! Характерно! Курьёзно! Хорошо идёт!», когда он, обращаясь к ученикам и художникам, окружавшим его, сказал: «Он чувствует характер страны своей. У него особая точка зрения». На прощанье он пристально посмотрел мне в глаза и сказал: «Не правда ли, в Вас много своеобразного (*n'est ce pas que vous avez*), и Вы должны сохранить это. Работайте и приносите мне по воскресеньям».

Этот отзыв меня порадовал - для начала не худо! Вечер воскресенья я провёл у Лосских; в Понедельник Люси Лосская была у меня – я начал портрет

её, а потом и получились два неприятные известия, а ночь я почти всю не спал, мучаясь в страшной нервной зубной боли. Когда болеешь душевно и физически и сознаёшь своё одиночество – как это тяжело бывает, и опять словно за веса опускается перед глазами и ничего впереди не мерещится хорошего.

Начал я писать новую притчу: «Не оправдавший доверия».

Эскиз теперь особенно меня занимает: «Предательница» - женщина выпускает врагов в город. Кормон очень хвалил эту задачу. Я беру момент, когда она указала тайник, и враги один за другим пропадают в тёмной скважине, а сама предательница отошла несколько шагов от тайника, отвернулась и в напряжённой позе ждёт следствия своего поступка, но за стенами ещё спокойно, главка церковки молчит набатом и белые стены её не освещены ещё заревом. Ну, Бог с ними, с эскизами, я удивляюсь, как ещё могу временами сочинять что бы то ни было, когда у меня такое разрушение внутри!

Когда же получу я карточки Твои? Как больно было мне читать Твоё предположение потребовать назад письма. Неужели единственный бастион, из которого я думал действовать, и тот колеблется, и тот склоняет знамёна неприятелям. Ну же! дружнее тогда! Все сразу. Авось всем скопищем не трудно будет раздавить одного человека! Помню, как мы впятером на одного барсука охотились...

Давно уже Твоего письма не было - я соскучился без него, и если бы не Лосские, то совсем бы падал духом. Поклон Ек. Вас.

Вторник

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/212, 3 л.

«Прочитай, какой приговор подписал мне последний № «Мира Искусства». Все-то в простоте душевной предполагали, что историческая живопись - моя специальность, а вот г. Бенуа советует мне искать иную область!...»

Александр Бенуа

ПИСЬМА СО ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКИ

... Намерения Рериха близко подходят к намерениям Сурикова и Рябушкина, но, к сожалению, этот молодой художник вовсе не обладает присущим этим мастерам даром исторического прозрения. Жаль, что он до сих пор не отыскал своей области и думает, что ему удаётся убедительно воплощать доисторическую Русь, тогда как на самом деле он вертится в том же обновлено-академическом шаблоне, представителями которого являются Люминэ и Кормон. Я не верю его славянам, старцам, по-моему, всё это Рерих выдумал, и потому его картины производят на меня впечатление скуки и натяжки...

«Мир искусства» 1900. Ноябрь № 19-20. С. 156-161 (фрагмент).

19 ноября 1900 г.
Письмо [Леона Антакольского] к Рериху Н.К.

19.11.1900.

Положительно не знаю, что мне написать тебе, Коля, но одно всё же скажу, что нехорошо ты поступил, дав возможность всем говорить неправду про твою семью. Твоя мать живёт интересами своих детей, а ты даёшь поводы распространяться слухам, что она деспот в своей семье. Сравнив всё, что я слышал от тебя и от твоей семьи с другими слухами (ушей не закроешь), я вывожу одно заключение, что тебя не любят, а видят в тебе только приличную партию в денежном отношении, имея ложные известия, вероятно, о вашем состоянии.

Сердись на меня, если хочешь за это письмо, но я прямо говорю, что всецело стою на стороне твоей матери в этом деле. Помнишь, ты у меня спрашивал, можно ли просить выдать тебе 10`000 прямо на руки вместо того, чтобы получить по частям? Я тебе тогда говорил, что это зависит от отношений в семье. Ты меня не хотел послушать и всё-таки поднял этот вопрос, чем очень испортил себе.

Я сделал, что мог и, до некоторой степени, сгладил это; от тебя теперь зависит приобрести доверие матери, или окончательно подорвать его. Я знаю, что это похоже на проповедь, или нравоучение, но что же делать, без этого не обойдешься.

Постарайся же сократить себя, а то меня что-то приводит в недоумение как квартал, где ты живёшь, так и цена твоей мастерской. И то и другое вовсе не отзываются желанием серьёзно... (обрыв письма)

Что же мне сказать про твоих? Мария Васильевна всё прихварывает, Лидия Константиновна рисует, Володя с Борей учатся. В деталях же ты, вероятно, знаешь об их жизни больше меня. О тебе там разговоры бывают очень часто: как-то Коленька там один в Париже? Приедет ли на Рождество сюда, или нет? Я на праздники уеду в деревню, так ты сообщи точно, когда будешь, если приедешь, чтобы повидаться, если будет возможно.

Про себя ничего не могу сказать хорошего: пишу, учу, пишу, а будет ли толк?!.....

Вверху листа две приписки:

1. Рукой автора письма:

Дай Бог, чтобы все мои сомнения разрешились в лучшую сторону, и чтобы мне пришлось ошибиться.

2. Рукой Н.К. Рериха:

Я ответил, что если он не знал что писать, то и писать не следовало. Любопытно, в каких кругах эти сплетни ходят.

Отдел рукописей ГТГ, ф.44/1228, 2 л.

[Ноябрь 1900 г. Париж]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Могу ли я быть уверен в себе? – пишешь Ты, родная моя. Для меня же этот вопрос прямо не существует – каким образом могу я задаваться таким вопросом, когда у меня на душе яснее дня сознание, что в Тебе всё моё самое хорошее, что попробуй я хоть на мгновение вычеркнуть Тебя из себя и всё остальное становится сразу таким серым, таким скверным. Итак, Ты велишь мне работать до весны; - будет исполнено, только Ты-то не забывай обо мне. Мне всё кажется, что когда Ты во мне начинаешь сомневаться, то это сомнение каким-то чудесным током бежит за тысячи вёрст и начинает здесь душить и давить меня.

А музыка-то? Что же будет с бедною Твоею музыкой? Ну да Бог с Тобою, – вычеркни музыкальные успехи до будущего сезона, ибо здесь в Париже работает совсем иначе. Вчера я познакомился с М. Серг. Сперанскою. Ты её не знаешь? Она начала учиться здесь пенью. Одна с горничной приехала из СПб., чтобы учиться. Можешь себе представить: встаёт в 7 час. утра, каждый день бывает у профессора и, конечно, не мудрено, что делает успехи. Я знаю, я убежден, что Ты здесь заживёшь другою жизнью, жизнью любопытною и разнообразною. Наше внутреннее мы заключим окончательно в себе, а внешнее будет очень изменчивое. Ведь Ты одна ещё в состоянии сделать из меня полезного человека; без Тебя я буду жалким маньяком.

Я даже иногда доволен бываю, что Ты теперь пьёшь через край чашу бальной и светской пошлости, для такого умного и чуткого человека как Ты, этот напиток не может не надоесть в скором времени, и тогда Ты тем сильнее рванёшься к весёлой сознательной работе, которая только одна даст в будущем удовлетворение без осадков.

Скоро ли получу карточки Твои? Ты пришли мне их несколько – разных, чтобы мне их везде наставить, чтобы из всех углов смотрели и следили за мною и моими помыслами глубокие глаза Ладушки.

Когда же будет около меня человек, который будет глубоко всматриваться в мою душу, ибо я искренно хочу быть честным, хочу быть добрым, а между тем, многие мои поступки мне самому снаружи не нравятся.

Когда около меня будет такая чистая натура, как Ты, я буду лучше.

Третьего дня сестра мне прислала письмо от имени мамы с такими словами: «мама говорит, что она согласна, чтобы ты женился, но с одним условием, чтобы никаких жалоб от тебя потом не слышать». Чтобы не переписывать, посылаю Тебе два отрывка из милого родственного письма. Прочти и уничтожь их. Инстинктивным желанием моим было отказаться вовсе от такой родни, от такой сестрицы, которая спокойным почерком за тысячи вёрст может писать подобные гнусности. А эти разговоры о деньгах, словно я не знаю, сколько мы получаем из 220 тысяч и из <дому>!.. Ну да всё равно, Бог с ними, видно мы из разного теста сделаны.

Пока Ты – моя, до тех пор все мои падения духом лишь временные, а вот без Тебя – я, родственно, останусь как перст. Я ещё смягчённо смотрю на маму – она, мол, другого поколения, но сестра, так скоро изжившая свой век и заговорившая затхлым языком – мне уже вовсе непонятна и жалка. Боюсь, что они разъедят меня с братьями. О Володе-то я не так сожалею, но младшего Бо-

риса мне бы не хотелось упускать из-под своего влияния, ибо он живой и даровитый.

Ладушка, ведь Ты думаешь обо мне? Ведь иногда хочется Тебе увидеть меня? Хочется поцеловать? Какие смешные, детские вопросы! – а как иногда хочется, чтобы они были отвечены непременно утвердительно.

Мои родные порадовали меня ещё тем, что на мою просьбу денег ответили, что решили высылать с Нового Года – а ведь они знали, что у меня более нет их. Хорошо ещё, что без родных обойтись могу, а то они, хладнокровно, обрекают меня на плохое положение.

Поцелуй Ек. Вас., пусть она не мешает Тебе писать мне более длинные письма.

(Начал писать картинку для Салона – смотри, никому не проговорись).

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/203, 4 л.

**[Ноябрь 1900 г. Париж]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.**

Милая Ладушка.

Сегодня утром почтальон подаёт мне при выходе из дому толстенький Твой конверт. Вот думаю, либо карточки, либо предлинное письмо - оказалось ни то, ни другое, оказалась газета. Хотя я уже и получил этот № “Нов. Вр.”*), но от Тебя получить Буренинский фейлетон было мне особенно приятно; Ты им как бы хотела сказать: к чему обращать внимание на Дягилева, когда я совершенно согласна о нём с мнением Буренина. И если я не обращаю внимания, то и не следует и тебе, моему парижскому изгою, сердиться и обижаться на людей, которым ты лично ненавистен. Ведь это Ты хотела сказать?

Но когда же я получу карточки Твои? Ведь это же, наконец – безбожно.

Неужели Ты вчера в воскресенье уже спала в первом часу ночи? Напиши об этом. Дело в том, что вчера у Лосских мы устроили спиритический сеанс, и я спросил, что делает человек, о котором думаю. Стол выстукивает «спит». Спрашиваю: когда поеду в Петербург, и отвечает: «в Мае». Выставлю ли картину в Салоне? Отвечает: да. Будет ли успех? да. Будет ли продана? нет.

Завтра посылаю в «Нов. Вр.» фельетончик*). Не знаю пройдёт ли он или нет. Если будет напечатан, напиши своё мнение.

Вчера Люся Лосская дала мне интересную литературную темку. «Душа, сердце и тело» - можно будет из этого сделать сказочку. Вчера был у Кормона, опять и опять выслушал очень благоприятные и дельные замечания. Просто мне изумительно, как это в Петербурге я вдруг оказался ничего не стоящим, тогда как во мне никаких перемен не произошло. Или это только мне кажется, а на самом деле лучше. Напиши-ка мне подробное письмецо, моя хорошая Ладушка, ведь можно же мне уделить часочек, а для большого письма больше и не требуется. Поцелуй Ек. Вас.

[Понедельник]

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/204, 2 л.

*) См. В.П. Буренин. Критические очерки. (Новое время. 1900. 17 / 30 ноября. № 8882).

[Ноябрь/ декабрь 1900 г. Париж]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Хорошенькая моя, сейчас получил Твои карточки. Просто бесконечное спасибо за них. Больше всего нравится мне длинная карточка в шляпе и кофточке. Помню я эту кофточку, ох, как помню! Менее всего хороша карточка без шляпы, на ней у Тебя нехорошее выражение и причёска какая-то неподходящая – неудачен овал её, но глаза лучше всего на третьей карточке, ещё чего-то чуть-чуть им прибавить и это будут как раз те чудные глаза, которые часто смотрели на меня пристально, когда Ты мне верила. Поверишь ли так опять? Чего бы я не сделал лишь бы Ты верила в меня и верою этой давала мне жизнь.

Ведь и я же человек, ведь и я имею право на существование, а без Тебя горька эта жизнь. Верить ли, но лишь редко в шумном разговоре, в суетне я забываю то что-то тяжёлое, что лежит на сердце моём. И тяжела эта тягость! Ладушка, родная, - спаси меня! Без Тебя мне не сдвинуть этих громад, висящих надо мною. Помнишь ли в сказке в какой-то требовалась молитва чистой девушки, чтобы спасти кого-то откуда-то. Чистая женщина невидимой рукой ведёт мужчину далеко.

Я покажу Твои карточки Лосским – это ничего? Ведь мне не с кем поговорить о Тебе. Люся мне на днях говорила: если до весны не разлюбит, значит уже хороший человек, значит это уже не обыденная барышня, а человек. Лосская мне предлагала, что с будущего года не хотим ли мы поселиться с ними, т. к. и они люди искусства.

Ладушка, радость моя; у меня есть к Тебе просьба. Не рассердись только за неё и если будет какая-нибудь возможность, то исполни.

С некоторого времени Куинджи всё недоволен мною. Через Зарубина всё извещает, что мои поступки его не радуют, но какие именно поступки он не говорит. А между тем, я люблю его и чувствую, что и он меня любит. О Тебе, по моим рассказам, он был самого лучшего мнения и даже нашёл, что женитьба на таком человеке, как Ты, самое для меня лучшее.

Милая, съезди к нему, (не пугайся этой дерзкой мысли). Съезди к нему не от меня, а от себя, что, мол, я чувствую, что он недоволен мною и это меня огорчает и что я писал Тебе об этом. Скажи ему, что Ты пришла от меня по секрету и Тебе хочется знать, как направлять меня и как толкать. Это ему наверно так понравится, что он Тебе не замедлит рассказать очень многое, что никому не скажет.

Он любит своих учеников, как детей, и эта забота Твоя ему будет очень понятна и никому он не скажет об этом - за это можно ручаться. Дома его застать лучше утром часов в 11.

Ведь, право же, я против него зла не имею и ценю его советы. Я ему, помнишь, как-то говорил, что Ты заставляешь меня рисовать, - и ведь как он был доволен. Если только это в пределах возможного, то сделай для меня это.

Да, вся моя надежда, всё моё хорошее – только в Тебе.

Если неловко к нему ехать, то можно бы его вызвать.

Я думаю и Ек. Вас. ничего против такой беседы с Куинджи иметь не будет, ибо у него бывают же и многие дамы за советом, он лицо официальное, а за такое попечение обо мне, он Тебя наверно полюбит. Его адрес: В. О. Биржевой переулок, дом Елисеева (подъезд от Биржи) и на самый верх – в № 8. Там позвонить и на вопрос «кто там» передать карточку с надписью «по делу Н. К. Рериха».

Неужели до весны не увижусь с Тобою? Ой, как скучно, безбожно скучно.

Поцелуй Ек. Вас. и ради Бога, пиши. Всё-таки ты помнишь о майчике и фейлетон и карточки послала.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/213, 4 л.

Елена Шапошникова. 1900.

[Ноябрь- декабрь. 1900 г. Париж]
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Борису Константиновичу.

Дорогой Боря.

Что же это никто мне из вас не пишет, хоть бы Ты-то написал, ведь глаза-то прошли, небось. Это, брат, свинство. У [меня]идёт день за день, работа однообразная и всё время на неё уходит, так что даже не соберусь эти дни, в какой музей сходить. Уже третий день у меня какая-то странная сонливость, - ещё только 9 час., а у меня уже глаза слипаются. Лосские - это какие-то хранители для меня – просто хорошо у них себя чувствую, - на редкость.

Познакомился со здешним настоятелем – он был ужасно польщён, когда я пришёл к нему в гости. Вчера у Щукина видал Пащенко и он ужасно жалел, что не знал раньше о том, что я в Париже.

Напиши мне подробно, что в СПб. Как здоровье мамы? Как учење Твоё? Отчего Влад. Степ. мне не пишет? Отнёс ли Ты книги Селиванову? Что знакомые? Кто бывает? Что слышно? У Вас, ведь, холодно уже, а здесь ещё тепло, как у нас в Сентябре. Поздравь от меня Василия Александр.

Пиши голубчик, ведь за всё время Ты только два письма прислал.

Всех и маму целую.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/142, 1 л.

[Ноябрь 1900 г. Париж]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Дорогая моя Ладушка.

Дело вот в чём: не знаешь ли Ты какой-нибудь барышни образованной, хорошего общества, любящей музыку, ~~для следующей цели~~ и желающей ознакомиться с Парижем. Люся Лосская непременно хочет, чтобы у них до Мая месяца была такая особа, которой они предоставляют комнату, стол, прислугу и полную свободу, а за это просят сопровождать Люсю к профессорше пения, куда ей одной неудобно ездить, а матери каждый день это тяжело. У них теперь живёт одна итальянка, но хотя она и маркиза, но завела какую-то любовную переписку и назначает свидания, и тем её присутствие неудобно. Сегодня они спрашивали меня, не знаю ли хоть я кого-нибудь, но я никого указать не мог, а между тем уверен, что такое предложение улыбнулось бы многим. Только бы была не нытик и не синий чулок. Если у Тебя есть кто-либо на примете, то черкни. (Дорогу и обратно, конечно, дают.)

Вчера Люся усыпила меня и велела видеть Тебя – я видел Тебя в спальне (было уже поздно), сидящей на постели с расстёгнутым лифом. Сегодня мы условились с Лосскими, что я буду называться их дальним родственником, а то по воззрениям французов мне неудобно выходить с Люсей. Часто, очень часто говорю с ней о Тебе и она всё говорит мне: да вам нужно жениться и нужно, чтобы вы подчинились жене.

По-прежнему работаю, скучаю и получаю письма полные всяких попреков, незаслуженных и гадостей. Миленькая, исполни просьбу мою о Куинджи. И, наконец, пиши же.

Мой сердечный привет Ек. Вас. Прилагаю и образчик гадкого письма – одно писанье. Любопытно, откуда подобная грязь идёт?

Прочитав приложение Тебе станет ясно, насколько наш долг всем будущим разбить всех клеветников.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/214, 2 л.

[Ноябрь - декабрь, 1900 г. Париж.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Маленькая моя и хорошенькая Ладушка. Когда же будет письмо-то Твоё – длинное и хорошее? Я очень мучаюсь, что послал Тебе глупое письмо моего приятеля (теперь бывшего), ну да надеюсь, Ты не обратила на него никакого внимания. Не надо ли Тебе чего-либо из Парижа, на праздниках будет оказия послать. Такой же вопрос посылаю я и Екатерине Васильевне. Методичность моей сестры меня изумляет. Как написала, что будут высылать деньги с 1-го Января, так и замолчала, приписав, а до того времени делай как знаешь. Вот мило – значит, им всё равно как я достану деньги, лишь бы они не знали. Хорошо, что тут я получил около 400 р. за Московские иллюстрации – это избавило меня от необходимости ещё раз просить у них.

Курьёз выходит у меня с Лосскими. Так как здесь не принято очень часто без повода показываться барышне с посторонним мужчиною, то они придумали называть меня родственником. Но тут-то и вышло разногласие, - мы не сговорились толком и получилось, что одновременно я и двоюродный брат, и троюродный брат и племянник, а здешний настоятель думал, что я жених и прошлое Воскресенье вздумал даже поздравлять, когда Евг. Конст. сказала – «это всё равно, что сын мой; вот мои дети, мальчик и девочка и ещё мальчика Бог дал». Теперь я всё пристаю к Люсе, чтобы она поскорее обзаводилась женихом (чего очень и Евг. Конст. желает), надо бы выдать её за Щукина (только ей фамилия не нравится). Без Лосских мне было бы очень худо; не с кем было бы говорить о Тебе. Они же берутся (т.е. сами назвались) помочь мне в одном художественном предприятии, через председателя здешней ассоциации прессы. Как бы мне хотелось рассказать Тебе то, что я думаю, но... удержусь пока. Люся всё пристаёт, чтобы я давал ей все свои письма на предварительное прочтение, чтобы она могла уничтожать все неприятные, ибо она находит, что они слишком на меня действуют.

Целую крепко.

Ради Создателя, пиши.

Из новых сюжетов сообщу Тебе следующие:

1. «Облачные девы» – облачные нимфы славянских поверий в диком хороводе несутся облачными формами по грозовому небу.
2. «Ярило» - перед восходом над лесом брызнул высокий столб света и в нём неясными очертаниями славяне видят Ярило.
3. «Скифы» в засаде в степи, наготове ждут врага; лошади лежат.
4. Татары пируют на телах русских при Калке (одно место из Игоря – половецк. мотивы).

Ещё перерабатываю идиолов и добился большой яркости. Я Тебе писал про похвалы Кормона – Тебе нисколько это не было приятно? Ты мне ничем не откликнулась.

Опять перечитал жёсткое письмо Твоё и мне стало жалко зачем я испортил Твоё радостное настроение – до боли стало жалко – вот они большие расстояния! Нельзя ли Тебе отсюда сделать некоторые гипнотические внушения?

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/205, 3 л.

Из воспоминаний Н.К. Рериха, 1937 г.:

КОРМОН

Нужно сказать, что Фернан Кормон несколькими своими указаниями заложил многое незабываемое. Некоторые его считали неисправимым академиком и очень формально сухим человеком. По моим наблюдениям, это было не так. О себе Кормон говорил очень показательно: "Если бы мне пришлось начать снова, я бы сделался скульптором".

Ф. Кормон. Каин.

Действительно, когда вы рассматриваете в Люксембургском музее его "Каина", вы понимаете всю тонкость суждений Кормона о себе. Красок он не знал, но в то же время он очень поощрял краски в учениках.

Рассматривая мои эскизы, он сказал: "Мы слишком изошрённы (рафинированы) - мы у Вас будем учиться". Затем, когда как-то я сказал ему, что люблю не столько работать на глазах у всех в общей мастерской, сколько наедине, он как-то сочувственно улыбнулся и сказал: "Все наши школы - чепуха (blague), человек становится художником, когда остаётся один. Если имеете средства - возьмите мастерскую, работайте один и приносите мне этюды. С удовольствием и я к вам зайду". Согласитесь сами, что такое суждение довольно необычно для сухого члена Института, каким для многих представлялся Кормон. Нельзя не вспомнить, как Сарджент, познакомившись с некоторыми членами Королевской Академии, с удивлением заметил: "Они оказались гораздо более человечными, нежели можно было предполагать".

В мастерской Ф. Кормона. 1900-е.

Ученики знали как бы двух Кормонов. Один приходил в Академию, суровоправлял рисунок и не вдавался ни в какие рассуждения об искусстве. Другой же Кормон приглашал к себе некоторых учеников, и в праздничные дни у него собиралась целая оживлённая группа, встречавшая совсем другого Кормона. В эти минуты подчас он мне напоминал Анатоля Франса.

Не скупился на очень меткие и тонкие определения. Умел похвалить, но в то же время успевал бросить какое-то ведущее слово. Приносили к нему напоказ всякие работы и рисунки, и масляные этюды, и эскизы, от законченных и до самых зачаточных.

Из моих эскизов ему нравились "Идолы", "Поход Владимира на Корсунь", "Волки", "Вороны" и эскизы для "Веча". Можно было ожидать, что краски идолов будут чужды Кормону, но он хотя и приговаривал "farouche, farouche" [дикий (фр. – ред.), но всё-таки показывал остальным ученикам, одобрительно восклицая: "Это для будущего".

Н.Рерих, "Зажигайте сердца", М. 1975 г.

Эскиз к картине «Поход». 1890-е.